

О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ СТЕРЕОТИПОВ ПРИ ЧТЕНИИ КУРСА НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Т.Г. РУМЯНЦЕВА

Одной из задач современной историко-философской науки является пересмотр ряда традиционных стереотипов в понимании места, сути и значения, как отдельных знаковых персоналий, так и целых этапов в развитии европейской философской мысли. Это в значительной мере относится и к переосмыслению некоторых стереотипов, сложившихся вокруг немецкой классической философии, особенно учитывая то значение, которое в советские времена ей отводилось как одному из теоретических источников марксистско-ленинской философии. Не случайно на конференции, проходившей в Институте философии РАН 15–16 ноября 2012 г. и посвященной теме «История философии. Вызовы XXI столетия», определенное место в рамках дискуссий по отдельным историческим формам и фигурам в истории философии уделялось, среди прочего и поискам «нового образа» этой интеллектуальной традиции.

В последнее время все чаще появляются работы, в которых переосматриваются не только смысл и значение, но и легитимность самого обобщающего понятия «немецкая классическая философия»; переосмысливается содержание ряда ее, казалось бы, незыблемых фундаментальных положений. Белорусская философская мысль не должна оставаться в стороне от результатов новейших и актуальных ныне исследований. Это особенно важно, когда речь заходит о подготовке лекционных курсов и учебных пособий для студентов-философов, призванных в своей будущей профессиональной деятельности осуществлять мировоззренческую и общекультурную подготовку специалистов для вузов нашей Республики. И те знания, с которыми они придут в аудиторию, должны соответствовать современному уровню развития философской науки.

Соображения такого рода стали для меня главным побудительным мотивом для модернизации лекционного курса и подготовки нового учебного пособия «Немецкий идеализм (от Канта до Гегеля)», призванного соответствовать уровню исследований, ведущихся в данной области историко-философского знания. Оно создано на основе многолетнего чтения курса лекций по немецкой классической философии для студентов философского отделения факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета; курса, именуемого ныне «Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX века» и рассчитанного на 103 аудиторных часа. При его разработке мной были использованы результаты собственной научно-исследо-

вательской работы по данной тематике, а также материалы многочисленных Международных конференций: Гегелевских Конгрессов, Кантовских чтений, статьи, опубликованные в российском журнале «Кантовский сборник» (членом редколлегии которого я являюсь) и на сайте Института им. И. Канта при Балтийском федеральном университете.

При написании данного пособия были в той или иной мере учтены и материалы прежних научных и учебных изданий автора, посвященные немецкой философской традиции XVIII–XIX вв. Так, еще в 1999 г. мною был опубликован первый в белорусской философии глоссарий по немецкой трансцендентально-критической философии, в котором раскрыто содержание основополагающих понятий и главных работ ее основных представителей: И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля. В 2004 г. – к 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Канта вышла работа, в которой подробно анализируются главные труды и основополагающие идеи немецкого мыслителя. В 2008 г. мною был опубликован курс лекций «Немецкая трансцендентально-критическая философия (середина XVIII – первая треть XIX вв.)» И, наконец, в 2014 г. издана книга «Г. Гегель: от “Феноменологии духа” к “Энциклопедии философских наук”», посвященная переосмыслению основного содержания, места и значения первой крупной гегелевской работы – «истинного истока и тайны» его философии – «Феноменологии духа». Здесь же показаны особый системный статус и системная функция «Феноменологии духа» в учении Гегеля, выявлены наиболее актуальные и имеющие современное звучание идеи этой работы, ее классические и новейшие интерпретации¹.

Бурное развитие современного историко-философского знания и таких его отраслей как кантоведение и гегелеведение, ставит в качестве фундаментальной задачу обобщения всех полученных в данной области результатов. Особенно это стало актуально сегодня, когда кантоведение выдвинулось на самые передовые рубежи в мировой философской науке, и философы всего мира начали подготовку к празднованию 300-летнего юбилея со дня рождения великого мыслителя. Акцентируется также необходимость нового прочтения и новой интерпретации гегелевского наследия, особенно, по словам академика В.С. Стёпина, в контексте соотнесения его идей о саморазвитии с «методологическими запросами и философскими проблемами современной науки»². В свете этих достижений и задач требуется создание не только новых обобщающих работ системного характера, но и учебных пособий нового типа, широко освещающих суть и значение учения Канта, Гегеля и их ближайших последователей.

В новом пособии по курсу «Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX века» рассматривается один из наиболее сложных и в то же время значимых периодов в развитии западноевропейской философской

мысли, представленной именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и ряда их современников. Важность и актуальность обращения к этой, ставшей уже канонической философской эпохе, продиктованы не только чисто учебными целями — необходимостью профессионально-академического усвоения этого поистине «золотоносного пласта» европейской интеллектуальной традиции. Не отрицая факта автономной целостности и самодостаточности данной философской эпохи, а также ее вневременной значимости и ценности, мы должны в то же время считать необходимым ее осмысление и для понимания общекультурной и общепhilosophической ситуации, сложившейся в новейшей философии последней трети XX — начала XXI вв. Эпатируя антикантовскими и антигегелевскими настроениями, заявляя о резком разрыве с философской классикой, эта философия оказывается, тем не менее, генетически тесно связанной с той же классикой, так как именно ее парадигмы во многом определили облик большинства направлений западной философии XX и XXI вв.

Учитывая, что многие идеалы и ценности, веками составлявшие конституирующее ядро «европейского человечества», — вера в разум, прогресс, свободу и достоинство личности, гуманизм и т.п. — и обеспечивавшие социокультурное единство и целостность западного мира, были наработаны и закреплены в европейской ментальности именно философской классикой, высшим достижением которой и стала немецкая философия конца XVIII — первой трети XIX вв., следует признать очевидной невозможность постижения европейских социокультурных реалий вне рамок этой традиции.

В рамках немецкого идеализма конца XVIII — первой трети XIX вв. был сформирован качественно новый облик философии, характеризующейся высокой степенью обобщенности и рассчитанной на узкий круг хорошо подготовленных читателей. Здесь были созданы чрезвычайно трудные для усвоения специальные философские тексты, изобилующие крайне абстрактными концептами; некоторые из них вообще впервые вводились в научный оборот, другие же претерпевали радикальную трансформацию, приобретая необычный и даже одиозный характер. Это требует экспликации основополагающих идей и терминов классической традиции, разъяснения их смысла и основного содержания.

Прежде чем показать специфические особенности немецкого идеализма конца XVIII — первой трети XIX вв., следует хотя бы вкратце охарактеризовать ряд новых подходов к его пониманию и трактовке в современной философской литературе. Это тем более важно, что сложившиеся вокруг немецкой классической философии еще в советские времена стереотипы и штампы, продолжают и сегодня воспроизводиться в отечественных учебных пособиях, даже в тех, что были изданы после 2000 гг.

Первый из таких стереотипов касается самого названия данной традиции, т.е. ее своего рода «идентификационной» метки. По словам М.Ф. Быковой, само «выражение «немецкая классическая философия»

становится весьма проблематичным и требует уточнения»³. Принято считать, что впервые данное словосочетание ввел в научный оборот Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886). Затем оно стало широко использоваться в советской философской литературе, основательно закрепившись и в учебниках. В немецкую классическую философию Энгельс, как известно, включал не только идеалистические системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, но и материалистическое учение Фейербаха, которого он считал философом, существенно превзошедшим всех своих предшественников и ставшим своего рода «посредствующим звеном» между философией Гегеля и теорией классиков марксизма. В таком, энгельсовском, понимании немецкая классическая философия читается и сегодня в большинстве вузов нашей Республики, воспроизводя имманентно заложенное в нем идеологически ангажированное толкование самого ее значения в качестве непосредственного теоретического источника марксистско-ленинской философии.

Однако, как показывают новейшие исследования, этот термин использовался не везде и не всегда. Так, в немецкой и англоязычной интеллектуальных традициях гораздо чаще в этом контексте упоминали о «немецком идеализме» или «немецком метафизическом идеализме». Как в современной Германии, так и в России, — странах, где особенно интенсивно ведутся исследования данного этапа западноевропейской мысли, почти единодушно признают, что введенный марксизмом термин «немецкая классическая философия» крайне неудачен также и потому, что сами представители данной традиции никогда так себя не называли. Более того, при таком подходе из нее выпадает целый ряд важных фигур, в той или иной мере оказавших влияние на формирование духовного климата в Германии и других европейских странах в первой четверти XIX в. В нее не попадают многие непревзойденные классики немецкой мысли — Г.В. Лейбниц, Ф.Г. Якоби, Ф. Шлейермахер, и, наконец, И. Гёте, Ф. Шиллер, А. Шопенгауэр и др. Учитывая все эти допущения, следует признать, что более адекватным и отвечающим современному уровню развития историко-философской науки термином для обозначения данного этапа в развитии западноевропейской мысли является «Немецкий идеализм конца XVIII — первой трети XIX в.» Именно под таким названием и читается сегодня данный курс студентам-философам в Белорусском государственном университете.

Нельзя, однако, не упомянуть в этом контексте справедливое замечание М.Ф. Быковой о том, что ассоциирование немецкой классики с идеализмом вызывает ряд серьезных проблем, которые связаны с укоренившимся в отечественной философской литературе негативным отношением к самому термину «идеализм». Поэтому его пренебрежительно-негативное истолкование и употребление без учета исторического и интеллектуального контекста, ведут к значительным

заблуждениям и упрощениям, граничащим с ошибочными интерпретациями немецкой философской классики в целом, и немецкого идеализма в частности⁴.

Еще одним мифом, от которого, пожалуй, также следует отказаться и который, тем не менее, по-прежнему часто воспроизводится, является тезис о том, что, начиная со смерти Лейбница (1716) и до выхода в свет первого издания кантовской «Критики чистого разума» (1781), в немецкой философии якобы вообще ничего не происходило. Отсюда делают вывод, что Кант разрабатывал свое учение чуть ли не на пустом месте. Однако исследования последних лет⁵ показывают, что середина XVIII в. в Германии была чрезвычайно интеллектуально насыщенной эпохой, а кантовская метафизика явилась ответом на длившуюся в стране в течение нескольких десятилетий дискуссию о статусе, роли и возможности этой метафизики. Без этой дискуссии понять действительно новый облик кантовской философии вряд ли представляется возможным. Другое дело, что имена ряда виднейших представителей данной эпохи, таких, как Ф. Якоби, И.Г. Гердер, И. Гаман, И. Ламберт, М. Мендельсон, Т. Аббт, Я. Тетенс и др., почти не фигурируют в белорусской историко-философской литературе, особенно учебной. И это несмотря на то, что многие из них еще задолго до Канта сформулировали целый ряд положений, приписываемых исключительно этому философу. Это идея об активности сознания, представления о субъективности пространства и времени, различение методов математики и философии, трактовка каузальности и трансцендентальной видимости. Все это, впрочем, вовсе не умаляет заслуг великого кенигсбергского мыслителя, сумевшего органично синтезировать многие идеи своих современников в единую систему и совершить легендарный «коперниканский переворот».

Вряд ли правомерной является и тесно связанная с предыдущей попытка представить создателей философских систем (Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля) единственно значимыми ключевыми фигурами, аккумулировавшими в своем творчестве все мыслительное содержание данной эпохи, рассматривая при этом всех остальных немецких философов XVIII в. как не более, чем исторический фон. Об этом, кстати, заявлял российский специалист в области немецкой философии П.К. Резвых на уже упоминавшейся московской конференции⁶. Для более адекватного понимания феномена немецкого идеализма современные его исследователи предлагают отказаться от сосредоточения на достижениях лишь отдельных, так называемых «базовых» фигур и перейти к рассмотрению сложных связей внутри довольно обширного интеллектуального сообщества тогдашней Германии. Кстати говоря, сегодня уже многое делается в этом направлении, осуществляются высокопрофессиональные переводы оригинальных текстов малоизвестных пока авторов, издаются серьезные работы, в которых подробно анализируется творчество многих из вышеупомянутых мыслителей.

Не лишним будет упомянуть и особенно упорно воспроизводимое во многих учебниках по философии, как, впрочем, и в философской литературе в целом, представление о *цельности и внутренней завершенности* немецкого идеализма данной эпохи. Речь идет и об установке на усмотрение *имманентной логики*, или «прямой генеалогической преемственности» между созданными Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем концепциями⁷. Приступив в самом начале 90-х гг. к работе над курсом «Немецкая классическая философия», я также использовала эту схему, опираясь на имевшиеся тогда работы известных советских авторов. Однако знакомство с новейшими научными разработками последних десятилетий, а также участие автора в многочисленных Международных форумах позволяет утверждать, что такая схема представляется сегодня избыточно упрощенной и не соответствует действительному положению дел.

Во многом благодаря классикам марксизма в советской, а ныне и в отечественной философии, прижилось и такое представление, что немецкую классику следует рассматривать исключительно как *интеллектуальный эквивалент Великой Французской революции* или, как тогда писали, «немецкую теорию французской революции». Не отрицая наличия связи между революционным характером тогдашней европейской истории и немецкой классической мыслью, следует, тем не менее, помнить, что главная работа Канта «Критика чистого разума» (1781), в которой были разработаны главные принципы его трансцендентально-критической философии, вышла в свет задолго до событий Великой Французской революции (1789–1799). Не следует также забывать, как неоднозначно относились к этой революции и сам Кант, и его великие последователи. Достаточно вспомнить «Феноменологию духа» — эту раннюю работу Гегеля, в которой он, несмотря на юношеское преклонение перед революционными событиями во Франции, не пожалел красок для описания «ужасных, роковых злоключений сознания после того, как его захватило упоение абсолютной свободы и ощущение общности воли».

Исследования последних лет показывают, что немецкую философию этой эпохи следует рассматривать скорее как имманентный продукт внутреннего развития, как итог мощных интеллектуальных движений, разворачивавшихся в духовной жизни самой Германии, как дальнейшее развитие ряда тех новых идей, которые были высказаны предшественниками Канта.

Характеризуя немецкий идеализм конца XVIII — первой трети XIX в., отметим, что это — грандиозный этап в развитии немецкой и западноевропейской философской мысли, представленный именами Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и их многочисленными последователями, сторонниками и оппонентами. Он представляет собой целую эпоху в развитии западноевропейской культуры и философии, хроно-

логически охватывая менее столетия интенсивных и чрезвычайно напряженных по своим результатам и важных по степени последующего воздействия интеллектуальных поисков. Это своего рода философский канон или каноническая философская эпоха, сконцентрировавшая в себе потенциал всей западноевропейской метафизики от Платона до философии XVIII в. и потому навсегда внесенная в классический ареал человеческой мысли.

Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX в., представляет собой итог двухтысячелетней предшествующей философской традиции; высшее, завершающее звено в развитии новоевропейского философского рационализма и философской классики, которой присущи претензии на систематическую целостность и завершенность, убежденность в естественной упорядоченности мироустройства, в наличии в нем гармонии и порядков, доступных рациональному постижению. В то же самое время – это и тот исток, с которым оказывается генетически связана современная западная философия последней трети XIX – XX и XXI вв., ибо многие парадигмальные установки немецкой классики во многом предопределили облик большинства направлений, школ и течений неклассической и постнеклассической философии.

Интересующая нас философская традиция представлена целой плеядой гениальных личностей и оригинальных мыслителей, каждый из которых – это звезда первой величины и совершенно особый философский мир. При всем разнообразии развиваемых здесь идей и концепций попытаемся все же выделить и некоторые общие, присущие данной философской традиции черты.

Прежде всего, следует отметить, что каждый философ после Канта, начиная выработку собственной концепции, во многом опирался на идеи своих предшественников. Так, трудно представить себе учение Фихте без его тесной связи с идеями Канта, хотя философия Фихте серьезнейшим образом отличается от учения великого кенигсбержца. Более того, судить о ней, игнорируя идеи К.Л. Рейнгольда, Г.Э. Шульце, С. Маймона, Ф.Г. Якоби и др., не представляется возможным. Точно также обстоит дело и с учением Шеллинга, трудно понимаемым без предварительного уяснения его органической связи с предшествующими ему идеями его учителя Фихте, хотя опять же, у Шеллинга решаемые его предшественником задачи приобретают чуть ли не противоположное значение. Еще сложнее дело обстоит с учением Гегеля, которое не может быть непосредственно дедуцируемо из философии его предшественников, однако и он формулировал многие свои идеи и задачи, опираясь на взгляды Канта, Фихте и особенно раннего Шеллинга. Таким образом, при всем богатстве, уникальности и разнообразии идей и учений перечисленных выше немецких мыслителей можно все же выделить ряд существенных принципов, которых они придерживались на протяжении данного этапа развития. К их числу

можно отнести и *сходное понимание роли самой философии в обществе*. Все немецкие мыслители, по словам признанного корифея в этой области исследования Н.В. Мотрошиловой, веряли философии высочайшую духовную миссию — быть критической совестью культуры, осуществлять критическую рефлексию по отношению ко всем сферам человеческой жизнедеятельности⁸. Неслучайно Гегель определял философию как «современную ей эпоху, постигнутую в мышлении». Некоторые современные западные философы, особенно представитель американского неопрагматизма и оракул западного «популярно-демократического» понимания философии Р. Рорти, оспаривают сегодня эту претензию, считая, что «Гегель и Кант воспринимали философию во многом слишком серьезно. Философия не является ни систематизирующей науки дисциплиной, ни средством духовных преобразований: она — лишь один из способов сглаживания напряжений между сферами культуры, показывающий, что эти напряжения менее значительные, чем предполагалось»⁹. Однако эту точку зрения разделяют далеко не все представители европейской философии. Так, М. Фуко, восхищаясь Кантом и во многом разделяя его понимание роли и значения философии, полагал, что ее задача состоит в том, чтобы «диагностировать наши актуальные становления, пронизывающие эпоху как нечто межвечное, несвоевременное, актуальное».

Одной из общих черт теоретических построений немецких философов, далее, стало *создание нового облика самой философии* в виде чрезвычайно сложных, тщательно разработанных в категориально-понятийном плане, философских систем, характеризующихся высочайшей степенью абстрагированности и обобщенности. Эти учения крайне сложны для понимания и усвоения. Сами его представители объясняли эту особенность своих творений чрезвычайной сложностью рассматриваемых в них проблем, новой терминологией, необычной не только для широкой читательской публики, но и для философов вообще. Неслучайно Гегель писал, что «о нас идет слава как о глубоких, но часто неясных мыслителях»¹⁰, а Кант, характеризуя Предисловие к «Пролегоменам ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» свою «Критику чистого разума», отмечал в Предисловии, что эта «книга суха, темна, противоречит всем привычным понятиям и притом слишком обширна». Эти специальные философские тексты изобилуют крайне абстрактными дедукциями и невероятно сложными для понимания концептами; некоторые из них обозначаются из ряда вон выходящими и шокирующими словами: архаизмы, неологизмы, головокружительные этимологические изыскания, демонстрирующие, по словам Ж. Делёза и Ф. Гваттари, «характерно философский род атлетизма».

Нельзя не упомянуть здесь и разработку представителями этой традиции *диалектического метода*. Идеи диалектики и в самом деле

красной нитью проходят через всю немецкую классику, приобретая высшее завершение в философии Гегеля. Однако многие истоки диалектики, развиваемой в качественно иной по сравнению с гегелевской форме, мы находим уже в философии Канта, создавшего грандиозную антитетику чистого разума, или учение об антиномиях. Сегодня кантовскую трактовку диалектики стали все чаще противопоставлять тем ее версиям, которых придерживалось большинство его последователей. В самом деле, для Канта она была не более чем «логикой иллюзий», а само наличие противоречий в разуме полагалось им как то, что должно с необходимостью быть устранено. Однако начиная с Фихте, именно противоречия станут движущей силой и источником всякого развития вообще. Сама же диалектика в послекантовской мысли все больше приобретает характер глобального универсального метода. Интересно, что в этом контексте сегодня все чаще упоминается имя не Гегеля, а именно Фихте, которому приписывают роль основоположника всей традиции собственно немецкого идеализма XVIII–XIX вв. и разработчика ряда существенно новых диалектических ходов в философии¹¹. Имеется в виду, в частности, его метод дедукции, который впоследствии назовут спекулятивным, или диалектическим методом.

Многие авторы отмечают и наличие ряда общих принципов в трактовке социально-философской и философско-исторической проблематики у представителей данной духовной традиции. Несмотря на достаточно существенный разброс мнений в подходах и трактовках развития истории, всех философов этой традиции действительно объединяет гносеологический и социологический оптимизм. История рассматривается ими прежде всего как разумный процесс, который может быть исследован путем приложения к нему рациональных средств и критериев – т.е. с помощью арсенала научно-теоретических методов, позволяющих выявить логику его развития. Все немецкие философы-классики стремились обнаружить и выявить в истории некие регулярности, которые указывали бы на так называемую «истинную природу человека». На ее основе предполагалось затем выстроить соответствующие политико-правовые институты, которые не исказили бы эту природу.

Наряду с признанием положения о закономерном характере исторического процесса другим центральным мотивом социально-исторических построений немецкой философии этой эпохи стала выдвинутая еще просветителями и поддерживаемая великими немцами идея *прогресса* человечества в ходе его истории. Прогресс понимался здесь как поступательное движение, осуществляемое «согласно определенному плану природы» (Кант) или как «прогресс в осознании свободы» – подчиненный логике развития абсолютного духа и направленный в сторону постоянного совершенствования человеческого рода (Гегель). Утверждения о едином субъекте исторического развития, а также попытки наделить историю универсальной конечной целью, а тем самым

и имманентным смыслом, придав ей, таким образом, телеологический, одномерно-линейный характер, нашли свое окончательное воплощение в гегелевской концепции философии истории. Не случайно именно обоснование этой свободы и поиски основополагающих вневременных основ человеческого существования станут для Канта и его последователей конечной целью всех философских поисков.

Немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX вв. часто называют *трансцендентально-критической философией*. Здесь имеется в виду, что он обогатил человеческую мысль принципиально новым способом философствования, взяв в качестве особого, исходного пункта сосредоточение всех интеллектуальных интересов на гносеологической проблематике. В отличие от предшествующей философии, начинавшей с вопроса о том, *что* такое предмет, Кант – философ, с которого во многом берет отсчет данная философская традиция, ставит вопрос о том, *как* происходит и *как* вообще возможно познание о предмете, каковы виды и специфические закономерности этого познания. Отправляясь в своих рассуждениях от рассмотрения познавательного процесса и установления границ его компетенции, немецкие философы всему и вся попытались дать именно познавательную оценку. Само слово «*трансцендентальное*», с помощью которого квалифицировали свою философию Кант, Фихте, ранний Шеллинг и ряд их современников, и означает исследование не предметов, а видов их познания, причем, исследование этого познания a priori – до опыта, т.е. до того, как наш познавательный инструмент будет пущен в ход.

Исследуя диапазон познавательных сил разума, немецкие мыслители превращают его одновременно и в своего рода трибунал, все и вся ставящий перед своим судом, поэтому немецкая философия данного периода – это еще и *критическая философия*. Именно из кантовского понимания философии как критики проистекают многие установки современного философствования. Имеется в виду идея немецкого мыслителя о том, что философия должна быть критической, или критикой в самом широком смысле этого слова – критическим вопрошанием о настоящем. Тезиса о единстве критической идеи и философии придерживаются и многие философы XX–XXI вв. В терминах кантианского словаря это критическое вопрошание о настоящем, о нас самих и есть попытка ответить на вечные вопросы о том, *что мы можем знать, что мы должны делать, на что можем надеяться*. Имеем ли мы сегодня мужество пользоваться собственным разумом? Как отмечал Делёз, суть критической работы философии состоит «в отыскании сил, приводящих в действие присвоение мира в качестве видимого, познаваемого, уже в самой своей явленности несущего некую ценность».

Таким образом, немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX вв., ни в коей мере не следует рассматривать только как совокупность теорий или пусть даже гениальных учений, созданных более 200

лет назад и остающихся по-прежнему чрезвычайно важной составляющей постоянно прирастающего философского и общекультурного знания и сегодня. Один из доминирующих векторов последующего развития философии, многое из того, что и сегодня есть в ней «глубокого и истинного», является, по словам Мамардашвили, во многом лишь «осознанием действительных идей классической философии». Именно поэтому осмысление данной философской традиции по-прежнему остается сегодня актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Румянцева Т.Г. Философия Г. Гегеля: от «Феноменологии духа» к «Энциклопедии философских наук». – Мн.: БГУ, 2014.

² Стёпин В.С. Гегель и современная наука // «Феноменология духа» Гегеля в контексте современного гегелеведения / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. – М., 2010. С. 606–636.

³ См.: История философии: вызовы XXI века / отв. ред. Н.В. Мотрошилова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. С. 212–213.

⁴ См. там же. С. 215.

⁵ См.: Стёпин В.С. Гегель и современная наука.

⁶ См.: История философии: вызовы XXI века. С. 208.

⁷ См. там же. С. 209.

⁸ См.: Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. – М., 1991. С. 304.

⁹ Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. – М., 1996. С. 10.

¹⁰ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. – М., 1977. С. 72.

¹¹ См.: Панафидина О.П. Трансцендентализм И. Канта и немецкий идеализм // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 178; 184.

REFERENCES

Hegel G. *Encyclopedia of the Philosophical Sciences*. Vol. 3. *Philosophy of Mind*. Moscow, 1977. 470 p. (Russian trans.).

Motroshilova N.V. *The Birth and Development of the Philosophical Ideas*. Moscow, 1991. 464 p. (in Russian).

Panafidina O.P. The Transcendentalism of Kant and the German Idealism. In: *Voprosy filosofii*. 2011. No 4, pp. 177-187 (in Russian).

Rorty R. *Contingency, Irony and Solidarity*. Moscow, 1996. 282 p. (Russian trans.).

Rumyantseva T.G. *The Philosophy of Hegel: from «The Phenomenology of Spirit» to the «Encyclopedia of Philosophical Sciences»*. Minsk, Belarusian State University, 2014. 175 p. (in Russian).

Stepin V.S. Hegel and the Modern Science. In: *Hegel's «Phenomenology of Spirit» in the Context of Modern Studying of Hegel*. N.V. Motroshilova (ed.). Moscow, 2010, pp. 606-636 (in Russian).

The History of Philosophy: Challenges of the XXI century. Moscow, 2014 (in Russian). 368 p.

Аннотация

В статье предпринята попытка переосмыслить ряд стереотипов и штампов, сложившихся еще со времен Энгельса и утвердившихся в советской философской мысли относительно понимания сущности и специфики немецкой философии конца XVIII–первой трети XIX вв. Обосновывается важность внесения существенных корректировок в существующие лекционные курсы, прежде всего для студентов-философов, и подготовки новых учебных пособий, посвященных анализу данной интеллектуальной традиции с целью приведения учебного материала в соответствие с существующими сегодня серьезными наработками в данной области историко-философских исследований.

Ключевые слова: немецкая классическая философия, немецкий идеализм конца XVIII – первой трети XIX вв., новые подходы к трактовке немецкого идеализма, специфические особенности данного этапа в развитии философской мысли, трансцендентально-критическая философия.

Summary

The paper attempts to rethink a number of stereotypes, established since the time of Engels and settled in Soviet philosophy, on the understanding of the nature and specifics of the German philosophy of the late 18th and the first third of 19th centuries. The article explains the importance of significant adjustments to the existing lecture courses, especially for students-philosophers and the preparation of new textbooks devoted to the analysis of this intellectual tradition in order to bring educational material in accordance with existing today serious developments in the field of historical and philosophical studies.

Keywords: German classic philosophy, German idealism of the late 18th-the first third of 19th centuries, new approaches to the treatment of German idealism, the specific features of this stage in the development of philosophical thought, transcendental-critical philosophy.